

«Номенклатура: от должности к собственности. К вопросу о причинах распада СССР»

Рудольф Пихоя, профессор, доктор исторических наук (ИРИ РАН).

Начну свое выступление о природе экономических изменений с одного очень важного вопроса, который у меня возник в ситуации 23 августа 1991 года. Когда я зашел в здание Центрального Комитета партии – никого нет: ни этой замечательной охраны, которая там стояла в два кольца, ни сотрудников. Никто не стал защищать власть. И дальше возникает вопрос о природе перемен: что же случилось, когда описанный в свое время Джиласом новый класс вдруг просто-напросто отдал эту власть? Почему? Что произошло? И какова эволюция этого нового класса? Как произошло то, что произошло?

Надо сказать, что за перипетиями политических событий, дискуссиями скрывался ряд очень важных процессов. И эти процессы, не всегда явные, оказали решающее влияние на судьбу Советского Союза и на те радикальные перемены, которые страна пережила в конце 80-х – начале 90-х годов.

Здесь мы должны обратиться к интереснейшему вопросу о том, как возникла советская номенклатура и каковы исторические этапы ее существования.

Должен сказать, что проблема власти в Советском Союзе как таковая у нас не исследована. То есть мы принимаем старый сценарий о руководящей роли КПСС. Знаки расставляем разные, но суть остается одна и та же. Мы говорим о государстве рабочих и крестьян, Советах, говорим о социальных институтах. Но мы не исследуем природу и эволюцию того правящего слоя, который оказался во главе Советского государства. Это чрезвычайно интересная и важная тема, без анализа которой невозможно понять, что произошло с нашей страной.

Но я начну с самого начала - с В.И. Ленина. А конкретно, с его работы «Очередные задачи Советской власти». У Ленина есть знаменитое положение о многоукладности экономики Советской России. Он выделял

пять укладов. Эти пять укладов нашли свое более или менее адекватное отражение в системе государственного управления.

Первая реакция большевиков, когда они взяли власть в свои руки и объявили о том, что все является общенародным, общегосударственным, выразилась в знаменитом высказывании Бонч-Бруевича: «Не прошло и несколько месяцев нового бытия, как Петроград и Москва, а за ними все города и веси необъятной России битком были забиты новым чиновным классом. Кажется, от самого сотворения мира до наших дней не было под солнцем такого колоссального, вопиющего числа чиновников, как в дни после Октябрьской революции».

Что из себя представлял этот новый управленческий слой? Я условно могу выделить в нем три группы. Первая группа – так называемые пламенные революционеры (Ленин, Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Дзержинский), выдвиженцы гражданской войны, которые сделали карьеру в годы войны, и люди, которые из ефрейторов становились Буденными, Чапаевыми и прочими, прочими. Это одна группа.

Эта группа хороша была тем, что она знала, против чего бороться. Но вопрос – за что бороться? – вызывал в этой среде огромные споры, расхождения. И по этому вопросу никогда не было и не могло быть полного согласия.

Вторая группа, которая существует в это время в системе управления, – это старые специалисты. Это инженеры, которые остались в стране. Металлурги – Владимир Грум-Гржимайло, Михаил Павлов. Они считали: как бы власть ни менялась, они должны управлять промышленностью. Это был офицерский корпус, заимствованный из императорской России. Известно, что в Красной армии служило больше офицеров императорской армии, чем служило их в Белой армии – и не просто в полевых частях, но и в Генштабе и т.д. Это тот феномен, который в свое время Андрей Платонов назвал заместителями пролетариата, то есть старыми чиновниками, которые работали на новой должности, выполняя свои функции.

Третья группа – это, конечно, выдвиженцы новой власти. Власть должна была контролировать ситуацию. Главное достоинство новых чиновников сформулировал на XII съезде РКП(б) в 1923 году Сталин. Это гениальная формулировка: «Это люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы как свои родные и умеющие претворить их в жизнь».

То есть главная добродетель нового номенклатурного класса – это принять директивы и воплотить их в жизнь «как родные». Под это создается система номенклатуры, которая насчитывает три списка: список Политбюро, список Секретариата ЦК и список Оргбюро. Создаются определенного рода структуры в системе Центрального аппарата, в местных органах власти, вплоть до райкомов.

Чем интересна новая номенклатура? Первое - то, что они действительно исполнители. Второе – то, что номенклатура жестко связана по вертикали. Назначение зависит только от того, кто его назначил. Оно совершенно не зависит от объекта управления. В этом смысле, как ни странно, номенклатура должна была выступать в роли той нити, которая сшивает советскую систему. Потому что советская система по определению предполагает высочайший уровень децентрализации. Номенклатура эти вещи не только не предполагает, но она их начисто исключает.

Процесс становления номенклатуры прошел несколько этапов. Очень важное событие в истории номенклатуры, всей системы государственного управления произошло в конце 20-х – начале 30-х годов. В это время ленинская многоукладность уходит в прошлое. Начинается индустриализация и коллективизация. И упрощается система государственного управления. Начинается преследование так называемых пламенных революционеров. Начинаются чистки компартии. Из ВКП(б) было вычищено порядка 250 тысяч человек - исключалось всякого рода инакомыслие. Но в этих чистках была еще одна любопытная особенность -

это был своего рода социальный клапан, когда снижали социальное давление путем того, что выбрасывали часть чиновничества.

Начинается дело Промпартии (1930 г.). Дело Промпартии было направлено против тех самых старых инженеров, которые пытались сохранять некоторую сословную элитарность. Их - кого-то на год, кого-то на полгода, кого-то и больше – посылают на стройки социализма. И через полгода они уже снимают свои замечательные фуражки с инженерскими эмблемами и становятся советскими служащими.

Происходит операция «Весна», когда в 1930-1931-м годах идет массовая чистка Красной армии от офицеров царской армии. Причем эта чистка касается всего офицерского корпуса – как полевых частей Красной армии, так и прежде всего военных академий, Генерального штаба и т.д. Мартиролог можно перечислять очень долго.

Номенклатура, казалось бы, победила полностью, да не окончательно. Потому что номенклатуре пришлось работать в системе новых требований, которые предъявляют стране процессы индустриализации. Эти люди могли выполнять и принимать директивы партии как родные, но тогда, когда в страну пошло американское и немецкое оборудование, когда надо было строить новые заводы - что они могли сделать? – Котлован вырыть, по периметру колючую проволоку нагнуть, лагеря построить, вооруженную охрану поставить. А как монтировать домны – на это номенклатура уже не особенно годилась.

Это очень важное обстоятельство. Любопытная деталь, что где-то примерно с 1933 года начинаются процессы нестабильности в номенклатуре, проявляется тенденция, сначала неопределенная, а потом становящаяся все более и более устойчивой. Она состоит в том, что приходит новое поколение главных инженеров. На место старой революционной номенклатуры, на место старых инженеров приходят выпускники технических индустриальных институтов, где существовала ускоренная подготовка, где не было никакой гуманитарной линейки образования, сбивающей, заставляющей думать об

общих проблемах. Но давали достаточно приличное техническое образование. Таким образом, происходит замещение кадров в номенклатуре.

Много спорят о событиях 1937 года, которые чрезвычайно многоаспектны. В одной из своих недавних работ очень талантливый молодой историк Олега Хлевнюк, занимаясь 1937 годом, говорит о том, что Сталин боролся с потенциально пятой колонной, опасаясь испанских событий. Я думаю, в чем-то, может быть, Хлевнюк и прав. Но это касалось только армии и достаточно узкого слоя.

А что говорит Сталин в это время на знаменитом февральско-мартовском пленуме? Он говорит: «У нынешних вредителей нет никаких технических преимуществ по отношению к нашим людям. Наоборот, технически наши люди более подготовлены».

Происходит смена номенклатуры. Я не буду говорить, что в 1937 году эти элитные процессы носили определяющий характер. 1937 год – это репрессии против миллионов людей, которые попали ни за что ни про что. Но когда мы говорим о номенклатуре, то в данном случае совершенно четко можно сделать вывод, что идет замена поколения номенклатуры, умеющей выполнять директивы, на поколение людей, которые, опять-таки по сталинской формулировке, это «кадры, овладевшие техникой, которые решают всё». Появляются Косыгин, Устинов, Малышев – нарком, который будет делать бомбу, Славский и прочие люди, с которыми страна вступает в войну.

Война заставляет внести очень серьезные коррективы в номенклатуру. Война, ломая многое, начинает ломать номенклатурные принципы выдвижения. Потому что верность назначенному тебе начальнику – как-то растворяется смысл этого принципа, когда надо выпускать танки и самолеты. Происходят очень серьезные изменения даже не внутри номенклатуры, а в самих принципах комплектования этого управленческого слоя.

Для меня, например, было удивительным, что среди генералитета Красной армии в годы войны, сравнительно небольшого по численности

генералитета, примерно 30% - это были люди, которые начали войну, будучи беспартийными, и порядка 15% были беспартийными к концу войны. Это кажется немыслимым. Но назначение генерала – Административный отдел Центрального Комитета решал все эти вопросы - это политическое решение, исходящее из того, что сейчас идет война, и армия решает все.

Я говорю про военных, потому что гражданской отрасли в то время не существовало - вся промышленность работала на войну. Как следствие этого за годы войны появляется качественно новый управленческий слой, который в определенном смысле основывается на этом поколении главных инженеров, условно, 1938-1939-го годов. Но он очень независим, он очень самостоятелен, претендует на какие-то самостоятельные решения. И первое, что делает великий вождь всех народов после победы, - он начинает всех строить.

Это сейчас хорошо известная вещь, что были подвергнуты репрессиям (посажены или расстреляны) все командующие родами войск Красной армии. Все командующие родами войск Красной армии – авиации, флота, сухопутных войск – были репрессированы в той или иной степени все. Часть была расстреляна, как было с делом авиапрома («дело авиаторов» 1946 года). Часть была расстреляна, а часть была резко понижена в должностях, как было в военно-морском флоте. Часть оказалась в опале, в тюрьмах и т.д., как произошло с Г.К. Жуковым и с его окружением.

То же самое происходит в государственном аппарате и партийном аппарате. Тоже вещь совершенно неизвестная. В течение 1945-1949 годов произошли две абсолютно радикальные чистки Центрального Комитета, причем полностью, в корне все менялось. Сначала туда был направлен бывший второй секретарь Ленинградского обкома А.А. Кузнецов, о котором сейчас очень много говорят. Но мы же страна, в которой нет никаких средних характеристик, поэтому Кузнецов у нас сейчас выступает только в одной роли – героя-мученика. Хотя этот герой-мученик руководил всей кампанией по созданию судов чести. Герой-мученик непосредственно занимался тем,

что готовил все дела против военных. А в партийном аппарате он применил принцип перехода на функциональные принципы организации партийного аппарата, что в переводе на русский язык означало: ликвидировались все отраслевые отделы Центрального Комитета. Создавался минимум отделов: отдел пропаганды, отдел промышленности и орготдел.

А когда сам Кузнецов, Жданов, эта ленинградская группа вдруг показалась Сталину слишком влиятельной, то вся эта ленинградская группа были истреблена с жестокостью, которая может быть сравнима только с запалами Ивана Грозного. И появляются новые-старые руководители партийного аппарата, которые возвращаются к традиционной отраслевой системе управления Центрального Комитета. Дважды меняется всё.

В это время происходит очень важная вещь в психологии номенклатуры, на что я хочу обратить ваше внимание. Ведь эта номенклатура была не той уже номенклатурой 30-х годов. Это уже были люди, которые знали себе цену и понимали, что они значат для страны. И ордена, которые у них были прикручены на кителе, они получали не за хороший доклад, а за выполнение тех поручений, невыполнение которых преследовалось по закону военного времени, как писалось в то время во всех документах.

Очень интересно в этом смысле посмотреть, проанализировать психологию людей. До нас дошел замечательный документ. Это дневниковые записи, которые тайно вел В.А. Малышев – один из руководителей военно-промышленного комплекса в годы войны, а потом один из создателей советского атомного оружия, кстати, и умерший от лучевой болезни. Когда читаешь его дневники, видно, как его щенячий восторг по отношению к Сталину довоенного времени заканчивается в послевоенное время жесткой, очень точной и не имеющей никаких двусмысленностей оценкой Сталина.

То есть номенклатура этого безобразия по отношению к себе как слою уже не намерена была терпеть. Отсюда события 1953 года.

Я хочу напомнить, что когда мы говорим о разоблачении культа личности и говорим только о XX съезде, то это неверно. Уже на девятый день после смерти Сталина Президиум Центрального Комитета партии принимает решение о преодолении культа личности. А в марте-апреле 1953 года начинается масштабная кампания, направленная на реабилитацию жертв политических репрессий.

Уважаемые коллеги, к XX съезду партии процесс реабилитации был уже в основном закончен! Это сделал новый слой, номенклатура, которая добивается для себя одного – безопасности. И она ставит в известной степени партийный аппарат, делает партийный аппарат выражением своих интересов и начинает ограничивать власть Первого секретаря ЦК. Когда в июне месяце 1957 года Хрущева попытались снять, то на июльском Пленуме, который последовал сразу же после этих событий, на Президиуме ЦК, Хрущев, обращаясь к аппарату, так и говорит: вы, члены пленума, - хозяева, а мы – ваши слуги. Хрущев был слишком прав, настолько прав, что и сам не понял, что он сказал. С Никитой Сергеевичем такое случалось...

Когда Хрущев начал реформы государственного аппарата, эти знаменитые совнархозы, когда произошло столкновение региональных элит и вертикальных элит с системой управления и когда он на XXII съезде изменил Устав КПСС, ввел принцип всеобщих перевыборов сотрудников партийного аппарата, - это было прежде всего по аппаратам райкомов партии, потому что у них не было даже нормального высшего образования, у них была Высшая партийная школа, она не давала высшего образования, - тогда аппарат взбунтовался.

Когда материалы XXII съезда в Академии общественных наук при ЦК КПСС докладывал тогдашний второй секретарь Фрол Романович Козлов, то из зала ему кричали: вы устанавливаете срок работы партийного аппарата, так вы Хрущеву этот срок установите. Последствия этого дела известны. Это отставка Никиты Сергеевича Хрущева.

О.М. Здравомыслова. Непонятно: если весь процесс был закончен к 1956 году, тогда почему такой бомбой стал доклад Хрущева?

Р.Г. Пихоя. Все эти решения, которые принимались Генеральной прокуратурой и прочие, носили секретный характер.

О.М. Здравомыслова. Так это принципиально другое...

Р.Г. Пихоя. Они носили секретный характер. А по поводу решений XX съезда, того знаменитого доклада, надо сказать следующее. Это, кстати, был не доклад на XX съезде, как вы знаете. Съезд уже закончился. На следующий день после окончания съезда собрали русских делегатов и примкнувших к ним нечаянно поляков. Хрущев зачитал этот самый доклад без права конспектировать его. Какой доклад зачитал Никита Сергеевич Хрущев – я не знаю. И это не знает никто. Когда вам будут говорить, что они знают, какой доклад зачитал Никита Сергеевич Хрущев, это вранье.

Доклад Никиты Сергеевича Хрущева не конспектировался. К сожалению, не найдено по сегодняшний день аудиозаписи. Не исключаю, что аудиозаписи не было. А тот доклад, который нам с вами известен как доклад на XX съезде, дописывали уже потом и утверждали уже потом.

О.М. Здравомыслова. То есть ничего не было?

Р.Г. Пихоя. Почему? Доклад был. И было самое главное – было решение о том, что этот доклад должен был прочитан во всех партийных организациях, включая и комсомольские организации, без права его обсуждения. В результате, пока доклад читали, по всей стране начались массовые беспорядки, прежде всего в высших учебных заведениях. Этот доклад по существу положил основу диссидентского движения в нашей стране. Но это уже отдельная тема.

Вопрос. Текст доклада был?

Р.Г. Пихоя. Текст был надиктован Хрущевым стенографистке. Были материалы – заготовки доклада, которые писались раньше. Но текст доклада на съезде всегда утверждается накануне, на заседании Политбюро или Президиума Центрального Комитета. Так вот, утвержденного текста в

природе не существует. Хрущев импровизировал. Когда Никита Сергеевич Хрущев начинал выступать, то его написанный текст и то, что он произносил вслух, - это всегда существенно отличалось одно от другого.

А о том, что говорил тогда Никита Сергеевич Хрущев – можно судить, например, по воспоминаниям Александра Николаевича Яковлева, который рассказывал мне: «Мы сидели и ждали, глаза опустили и ждали: будем выходить из зала – сразу будут арестовывать или немножко позже»...

Возвращаюсь к номенклатуре. На рубеже 60-х и 70-х годов в номенклатуре происходят очень интересные изменения. Первое. Меняется характер самой номенклатуры. Она становится в значительной степени более технократичной, выдвигается новое поколение первых секретарей. Как правило, это первые секретари, которые имеют техническое образование. Гуманитарии – это большая редкость в тогдашнем партийном аппарате.

Второе. Это люди, за плечами которых есть определенный производственный опыт. То есть это люди, которые, в общем, так или иначе знают, почему фунт лиха.

Третье. Это люди, так или иначе связанные с регионами. (Первый секретарь обкома партии очень хорошо знает, как решаются проблемы со снабжением, как решаются проблемы с обеспечением жизненного уровня населения, медицины). То есть это люди знающие, очень опытные.

Четвертое. Это люди, как правило, имеющие не одно, а два образования. Это обязательное техническое образование как базовое. И это обязательное общественно-политическое образование. Это или Высшая партийная школа, или Академия общественных наук при ЦК КПСС как обязательное условие партийной карьеры.

Пятое. Эта номенклатура существует уже при победившем всех Леониде Ильиче Брежнев, который с самого начала провозгласил принцип несменяемости номенклатуры. То есть это было золотое время номенклатуры. Забота о кадрах был официальный лозунг - нельзя трогать партийные кадры. Потому что, если вы пытаетесь сказать худое слово в адрес

Медунова, вы тем самым подвергаете критике мощную Краснодарскую партийную организацию. Поэтому лучше Медунова не трогать.

Забота о кадрах приводит к внутриэлитным противоречиям. Потому что забота распространяется на высший слой, а второе поколение номенклатуры не может продвигаться вверх. Потому что Устинов на месте, Громько на месте, Тихонов на месте и т.д. Возникают некоторые внутриэлитные противоречия. Об этом очень хорошо говорил в свое время В.И. Воротников: как соберемся на заседание пленума, там секретари обкомов между собой начинают говорить, что в стране то плохо, это плохо и что старики ничего не делают.

То есть возникает определенный комплекс проблем, связанных с противоречиями внутри элиты. На это накладываются достаточно серьезные экономические обстоятельства.

Назову очень несколько цифр. 70-е годы – это абсолютно удивительное время для нашей экономики. Мы вступаем в 70-е годы при цене на нефть в 2 доллара за баррель. После событий израильско-арабской войны у нас к 1973-му и 1974-му году цена на нефть прыгает до 12 долларов за баррель, тогдашних долларов. А к концу 70-х годов цена на нефть достигает где-то 70-80 долларов за баррель. То есть Советский Союз получает колоссальный приток денег. Но этот колоссальный приток денег нашу страну не осчастливил. Потому что колоссальный приток денег привел к тому, что начинается деградация сельского хозяйства. Мы в среднем будем тратить на закупку продовольствия от 250 до 400 тонн золота ежегодно. Это при добыче золота в год порядка 300 тонн. То есть мы благополучно начинаем проедать экономически страну.

Большие нефтяные деньги дают возможность развивать науку, и конец 70ых - это золотой период для науки. (Это я могу говорить как университетский человек, который имел определенное отношение к управлению). Это золотой век. Денег было много. Деньги шли на оборонку. Оборонка – это 80% любых научно-исследовательских бюджетов

университета. Происходило перераспределение средств, и из университетского бюджета деньги получали и гуманитарии. Так что это было хорошее время.

Но в такое хорошее время все понимали: эти экономические процессы конечны. Они конечны, во-первых, потому, что в это время советская экономическая наука исходила из того, что нефть должна закончиться уже в 80-е годы. Академик Белоцерковский по этому поводу очень много выступал. Во-вторых, к этому времени катастрофически падают темпы роста промышленности. Если в 50-е годы темпы роста промышленности у нас составляли порядка 6-8%, в лучшие годы восьмой пятилетки они составляли порядка 4-5%, до 6%, то в 70-е годы мы можем говорить об их неуклонном падении. И к концу 70-х годов официальная статистика говорила где-то о 2% прироста, а «враги рода человеческого» – американские статистики – говорили, что у нас не только нет роста, а идет некоторое снижение промышленного производства.

То есть начинается экономический кризис. Обостряется проблема дефицита. Проблема дефицита – это как лесной пожар. Начинает все пропадать. Когда начинает все пропадать, появляются люди, у которых все есть. Начинает развиваться теневое производство. Тема отдельная, интересная, увлекательная...

Одним словом, чем больше дефицита, тем больше возможностей для незаконного обогащения. Чем больше возможностей для незаконного обогащения, тем более мощной становится теневая экономика. А там, где появляется теневая экономика, там появляются воры в законе, которые на Кисловодском съезде воров в законе в 1978 году принимают решения, что надо брать под контроль теневой бизнес и осуществлять защиту теневого бизнеса против других групп уголовников. То есть происходит срастание уголовной преступности с теневым сектором. Это обстоятельство довольно важное и заметное.

То, что с начала 80-х годов возникает необходимость что-то менять, было очевидно. Я вам могу только напомнить, что в 1979 году на Политбюро рассматривался доклад председателя ГКНТ академика Кириллина о перспективах развития советской экономики. Этот доклад, по-моему, готовила вся экономическая наука. Выводы Кириллина были о сложностях, которые впереди, о том, что нефть кончается, а себестоимость нефти неуклонно растет вследствие понятных причин – продвижения на Север и т.д., и т.п. Говорилось о проблемах с трудовыми ресурсами. Отмечалось, что там, где есть трудовые ресурсы, там нет промышленности. А там, где есть промышленность, там нет трудовых ресурсов. Говорилось о необходимости повышения требовательности к кадрам рабочих. В частности, говорилось о необходимости допущения организованной безработицы в пределах 5% для того, чтобы задержать людей на рабочих местах. Все это дело закончилось тем, что Кириллина отправили в отставку, а документ засекретили, да так засекретили, что пакт Молотова-Риббентропа ваш покорный слуга искал полдня, а этот документ пришлось искать что-то около месяца...

Самое интересное, что ждало впереди, было связано с тем, что в обстановке начинающегося кризиса возникает проблема для номенклатуры - как жить дальше?... Номенклатура номенклатурой, но в условиях нарастающего дефицита, в условиях кризисных явлений экономики, которые стали абсолютно очевидны с начала 80-х годов, возникал простенький вопрос: как жить дальше? Если для высшего слоя номенклатуры существовало закрытое постановление Политбюро, в котором определялись гарантии. Но таких людей было очень мало.

Для высшей номенклатуры действовала система распределителей: можно было ездить на улицу Грановского и отовариться. А куда секретарь райкома партии поедет? А он поедет в Елисеевский гастроном, где будут создаваться свои закрытые распределители, никем не описанные. Известно, чем закончилась эта система закрытых распределителей - расстреляли

руководителя Мосторга Трегубова и директора магазина «Елисеевский» Соколова, несмотря на все их ордена и медали.

То есть остается проблема: как жить дальше? В этой обстановке в Центральном Комитете партии происходят удивительные вещи. Впервые в начале 1983 года в Центральном Комитете партии появляется Отдел экономики. Никогда его не было. В нем уже в 1983 году начинают прорабатываться вопросы о возможности частичного применения рыночных методов экономики в нашей стране.

Заведующий Экономическим отделом Центрального Комитета партии, на мой взгляд, не самый удачный – бывший главный сварщик Уралмаша, а потом директор Уралмаша Николай Иванович Рыжков. Когда говорят, что реформа Андропова не была реализована, это не так - все, что можно было реализовать, было реализовано. Потому что Николай Иванович Рыжков встал во главе правительства.

Тем не менее начинают готовить экономические изменения. И первый этап, как вы помните, 1985 год – это ускорение. Здесь действуют те самые прописи, заложенные еще докладом академика Кириллина, в основе которых лежала идея академика Аганбегяна – вложить деньги в развитие машиностроения. Мы будем развивать машиностроение – машиностроение потянет все.

Р.С. Гринберг. Но это все противоречило рыночной экономики.

Р.Г. Пихоя. Абсолютно.

Р.С. Гринберг. Поэтому непонятно – про переход...

Р.Г. Пихоя. Вторая мера. Вы совершенно правильно сказали: это противоречило принципам рыночной экономики. Потому что, на самом деле, никто этой рыночной экономики не хотел. Начинается восстановление административных рычагов управления, создаются бюро Совета Министров по отраслям – чисто административная мера. Я упускаю целый ряд других административных мер. Эта кампания ускорения заканчивается тем, что к

началу 1987 года в стране нет экономического результата. Это экономический провал.

Когда Михаил Сергеевич Горбачев поехал на Дальний Восток, а потом в сентябре выступал на Политбюро, он говорил только об одном: куда ни приедем, разговор один и тот же - у вас там в Москве перестройка, а у нас ничего нет, у нас ничего не делается.

В сентябре 1986 года Горбачев сгоряча произносит фразу, которая осталась в записях Политбюро: «Разогнать надо эту номенклатуру». И с 1987 года происходит крутой перелом в экономике. Здесь выходят на первый план экономические характеристики. Принимается Закон о социалистическом предприятии. Он длинный, дочитать его до конца невозможно, а нужно. Потому что именно там, в конце, предусматривались директорам такие права и привилегии, которые позволяли, в частности, разделять промышленное предприятие, выделять ряд отраслей, скажем, конечное производство от всего остального.

Дальше следует Закон о кооперативах, который гармонично накладывается на Закон о промышленном предприятии, и тогда в рамках промышленного предприятия выделяется экономическое ядро.

Дальше происходят совершенно удивительные вещи с Газпромом, который создает некий алгоритм: Газпром превращается в акционерное общество и начинается всеобщее образование сырьевых министерств и ряда промышленных министерств в акционерное общество.

Здесь начинается процесс приватизации. Мои коллеги экономисты-юристы говорят: да какая это приватизация, была государственная собственность на все. Я отвечаю, что в римском праве есть две характеристики: есть понятие собственности и есть понятие владения. В данном случае это владение, которое гармонически может перейти при необходимости и в собственность. В данном случае меняются принципы владения.

1988 год. Кооперативное движение получает колоссальные права. Кооперативы получают право ведения внешней торговли. В результате на Запад идет сырье, сюда идут компьютеры и т.д. Появляется ряд структур, больше или меньше приспособленных уже к рыночным отношениям. Министерства разворачиваются в этом отношении, но комсомол у нас ведь всегда впереди. Если вы сейчас посмотрите на лидеров российского банковского дела и прочее, и прочее, это же замечательные выходцы из комсомола...

И дальше создается система банков, которые должны обслуживать кооперативы, то есть торговлю, шить сапоги, пришивать подошвы. Первый банк, который был создан в нашей стране, - это Компартбанк в городе Чимкенте. В первой десятке были Автовазбанк и Аэрофлотбанк. То есть происходит перетекание денег.

Вопрос. На какой правовой базе?

Р.Г. Пихоя. Никакой правовой базы не было. И это самое главное. Вы задали замечательный вопрос. Идет 1990 год. Бои, на Верховном Совете друг друга в клочки рвут. В это время Совет Министров СССР принимает постановление о создании акционерных обществ. Это постановление занимает ровно половину листочка. И никакого обсуждения ни на каком Верховном Совете...

В это же время идет политическая борьба. Что добило номенклатуру? Я вообще считаю, что ключевым пунктом, откуда начинаются необратимые процессы распада Советского Союза, - это январский Пленум 1987 года по вопросу о кадрах. Потому что на Пленуме было принято решение о проведении альтернативных выборов. Номенклатура и альтернативные выборы – это все равно как кислота и щелочь. Если вы их вместе сольете – происходит определенная реакция с выделением большого количества тепла, разбитой посуды и сожженных штанов.

Примерно то же самое и произошло. Потому что тогда, когда начинаются альтернативные выборы, партийный аппарат, во-первых,

пролетает, во-вторых, партийный аппарат, в общем, знает, куда уходить. Он уходит в банки. Он уходит в новые промышленные структуры.

Со всей ясностью хочу сказать, что это не касается всего партийного аппарата. Это касается только части. Меньше всего в эту коммерциализацию оказался втянут Центральный Комитет партии. Потому что там и принципы были другие, и контроль был другой. Чем ниже по иерархии, тем активнее люди включаются в эти процессы. И, в конце концов, возникает ситуация, когда номенклатура перестает быть заинтересована в сохранении власти. Ее интересуют другие вопросы – сохранение той собственности, которую она стремительно получила в это время.

Во всяком случае в завершении могу сказать, что лавры приватизатора, приписываемые известному нам политическому деятелю, несколько преувеличены. Потому что когда в августе 1990 года взяли в оборот вице-премьера, как он собирается реализовывать Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, он сказал: какая декларация, какой суверенитет России в экономике? У нас уже металлургия вся приватизирована. Колпаков – министру черной металлургии говорит: иди, у меня уже все это акционерное общество. Вы тут не стояли. У нас леса нет, у нас алмазов нет, у нас нефти нет. Ничего нет в России – уже все приватизировано.

Реплика. То есть власть сменилась на собственность.

Р.Г. Пихоя. Власть сменили на собственность. Отсюда эффект 23 августа 1991 года.